

Н.П. Соколов. Скажу очень коротко о новых рамках, в которых происходит уже, практически, 15 лет конструирование публичной истории России. Публичная история России в отличие от научной картины исторического прошлого – это всегда конструктор. Есть несколько крупных игроков, которые обычно участвуют в этом конструировании.

Но случилось так, что мы живем в совершенно уникальную эпоху. Я даже не знаю, была ли в какой-нибудь стране такая констелляция обстоятельств, чтобы некоторые силы, которые в нормальных условиях играют решающую роль в этом процессе, оказались, практически, оттеснены от формирования этого публичного образа родной истории.

Первое важнейшее обстоятельство. Российское государство не справилось с управлением, не имея идеологических подпорок. Понадобилась идеология. Между тем государственная идеология запрещена Российской Конституцией. И тогда власти стали использовать историю в качестве квазиидеологического инструмента. Отсюда этот чрезвычайно странный политический словарь, где слова «либерал», «консерватор» не имеют ясного смысла. Но совершенно ясный смысл имеют слова «бандеровцы» и «пятая колонна». То есть исторические термины используются в качестве политических. В этих обстоятельствах происходит (и тут я готов возразить Андрею Архангельскому) не табуирование некоторых сюжетов, а их вытеснение и подмена.

Это связано с тремя группами обстоятельств.

Первое. Чрезвычайно важная часть государственной исторической политики, которую наше правительство проводит последние 15 лет, - это создание мифа основания современного Российского государства. Разумеется, любой историк обязан признать, что современная Россия как новое государственное

образование создается в 1990-е годы. Считать ли это от июля 90-го года, от Декларации независимости РСФСР (формально); считать ли (фактически) от народного признания этой независимости новой свободной России в августе 91-го или от формальной кончины СССР после Беловежских соглашений, - не столь важно. В любом случае, именно от этих событий ведут историю нынешнее российское общество и нынешняя российская власть. Но власть не хочет этого признать. Потому что «родители» ее такие малопочтенные, заклеенные клеймом «темных и лихих 90-х». И путем довольно лихих манипуляций современное российское общество имеет в качестве мифа своего основания Великую Отечественную войну. Именно Великая победа стала мифом о возникновении современной нации. Это очень важное обстоятельство. Для этого создаются историко-культурные стандарты для школ. Для этого пишутся мемориальные законы, ограничивающие свободу исторического исследования и исторического суждения в обществе. Это очень важная часть процесса деформации общественного пространства и деформации публичной истории.

Второе. Специфика условий, в которых нам приходится действовать, – возникает в связи с гигантским изменением самой структуры информационной среды в последние 15 лет. Традиционные средства массовой информации уступают место сетевым сообществам, которые устроены принципиально иначе. В них информация не проверяется. Одинаковый вес имеют мнения любого участника вне зависимости от его квалификации. И это приводит к тяжелым последствиям для исторической картины, складывающейся у российского общества. Потому что в рамках таких сетевых структур спор выигрывает, если этот спор возникает, не самый знающий, а самый «острый», самый боевитый. Здесь не

устанавливается истина, а победа присуждается, скорее, по модели шоу-бизнеса, ток-шоу. В результате дискуссионная среда (я говорю в данном случае применительно к историческим проблемам) заметно архаизируется. Она становится примитивной и архаичной по методам аргументации. И тогда в этой среде естественным образом, восстанавливаются самые примитивные стереотипы мышления о прошлом – конспирология, миф о заговоре и миф о героическом золотом веке. Эти самые примитивные образы, которые восстанавливает сознание, перешедшее от рационального уровня к архаическому и примитивному мифу. Что мы и наблюдаем. Строятся бесконечные легенды о Советском Союзе, который был великий и могучий. При этом еще и справедливый. Еще и замечательно стабильный, то есть мы там обладали якобы высокой уверенностью в завтрашнем дне. Поскольку я это застал лично, могу твердо сказать, что эта уверенность в завтрашнем дне заключалась в твердой уверенности, что завтра в магазине не будет того, что есть сегодня. В этом люди были твердо уверены во времена моей юности в Советском Союзе.

Третье обстоятельство, которое деформирует строительство публичной истории и общественного образа истории, – это чрезвычайная слабость и угнетенность, я бы сказал, профессионально-исторической корпорации. Она была специально выбита целенаправленными усилиями в советское время, начиная с «платоновского» дела в 1929-30-м годах. Ей не давали восстанавливаться. И после 90-х годов она практически как-то очень слабо реанимировалась, но потом ее начали опять глушить целенаправленно. Известный сюжет, связанный с диссертацией доктора исторических наук, министра культуры Мединского – следствие коррупции академической среды, которая не позволяет этой среде стать доверенным представителем общества.

Университетские корпорации не пользуются доверием общества - и заслуженно.

В результате публичная история России приобретает довольно фантастические черты.